

03.11.22

Ханс-Петер Гассер

**Запрет на акты террора
в международном гуманитарном праве**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА

тия Государства или изъединение от него — выходит за пределы личности, или группы лиц, или населения в целом. В этом смысле можно сказать, чтобы кем бы то ни было, ожидаемый результат этого действия другим социальным блоком был бы идентичным. Право на жизнь и право на здоровье человека являются неотъемлемыми элементами правового государства и его граждан. Право на жизнь и право на здоровье человека являются неотъемлемыми элементами правового государства и его граждан.

Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве*

В данной работе рассматриваются положения современного международного гуманитарного права, запрещающие террористические акты — их зачастую называют просто терроризм.

Так как эта работа носит в целом описательный характер, специалисты по международному гуманитарному праву почерпнут из нее не много нового. Но если автору удастся осветить один из специфических аспектов широко известных обязанностей и запретов, сформулированных в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, а именно — абсолютное и безусловное запрещение терроризма, то цель будет достигнута. Рассмотрение нескольких основных моментов должно как-то облегчить решение сложных вопросов, касающихся сущности партизанской войны и юридических ограничений, налагаемых на ее ведение.

Прежде всего необходимо еще раз разъяснить значение некоторых терминов, особенно в связи с тем, что дискуссии, развернувшиеся вокруг ратификации Дополнительных протоколов 1977 г., породили такие странные формулировки, как: «Права террористам — их предоставляет соглашение 1977 г.», «Право на службе у терроризма», «Протокол I как хартия терроризма». Задаешь себе вопрос: а не сошел ли мир с ума?

* Настоящая работа была представлена на заседании 11-го «круглого стола» по проблемам международного гуманитарного права, Сан-Ремо (9—14 сентября 1985 г.). С незначительными исправлениями она опубликована на немецком языке в кн. «Völkerrecht im Dienste des Menschen», Festgabe Hans Haug, ed. Haupt. Bern—Stuttgart, 1986.

Терминология

Как мы уже заметили, настоящая работа ставит своей целью обсуждение положений *международного гуманитарного права*, направленных против терроризма. Поэтому с самого начала следует уяснить себе, что данный анализ ограничивается ситуациями вооруженных конфликтов, так как лишь в этих случаях международное гуманитарное право вообще применимо. Термин «вооруженный конфликт», как он определяется в международном праве, означает любой конфликт — между государствами или в рамках какого-либо государства, который характеризуется открытым применением насилия и участием вооруженных сил.

Следовательно, иные ситуации, как международные, так и внутриполитические, не имеющие основных признаков вооруженного конфликта, хотя и характеризуются массовым насилием, не входят в сферу настоящего анализа. Это, в частности, ситуации внутренней борьбы, бунтов и репрессий, которые не охватываются инструментами гуманитарного права.

Очень важно определить предмет настоящей работы, так как следует четко понимать, что лишь акты террора, совершенные в ситуациях вооруженных конфликтов, оказываются в сфере применения международного гуманитарного права. Терроризм в мирное время, то есть в ситуациях, которые не могут квалифицироваться как вооруженный конфликт, не подпадает под действие международного гуманитарного права, оно в этих случаях просто не применяется.

Вторым термином, нуждающимся в определении, является «терроризм».

Терроризм — это социальное явление, слишком сложное для того, чтобы его можно было просто и удобно обозначить. Представляется, что юристы и прочие специалисты не пришли к единому пониманию его значения и последствий. Даже в международном праве не удалось однозначно определить терроризм и террористические акты. Достаточно взглянуть на единственную попытку сформулировать точное определение, которое было признано международным гуманитарным правом, чтобы представить себе, какие трудности встают на этом пути. Женевская конвенция 1937 г. о предупреждении терроризма и наказании за него фактически определяет «террористические акты» как «преступные действия, направленные про-

тив Государства или имеющие целью терроризировать определенных лиц, или группы лиц, или население в целом». В наше время сводить терроризм к действиям, направленным против государства, по вполне очевидным причинам означало бы упускать из виду особенности современной жизни.

Различные международные конвенции, принятые за последние 25 лет, ограничиваются рассмотрением отдельных аспектов терроризма и поэтому никак не могут помочь в поисках исчерпывающего определения. Ниже приводится список этих конвенций в хронологическом порядке:

- Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна, Токио, 1963 г.;
- Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Гаага, 1970 г. (угон);
- Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, Монреаль, 1971 г. (саботаж);
- Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.;
- Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, 1979 г. и
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 1984 г.

Данная работа не является попыткой сформулировать новое четкое определение терроризма. Да это было бы лишним, так как для наших целей достаточно обычного понимания этого термина.

В повседневной жизни слово «терроризм» понимается следующим образом:

- всякий терроризм — это преступление;
- терроризм — это применение или угроза применения насилия, как правило, направленного против жизни людей;
- терроризм — это средство достижения политических целей, которые, по мнению тех, кто к нему прибегает, не могут быть достигнуты обычными (законными) средствами;
- терроризм — это стратегия, которую обычно используют организованные группы в течение какого-то времени, в соответствии с принятой программой;

- террористические акты часто направлены на посторонних людей, которые к предмету интереса террористов не имеют непосредственного отношения и не оказывают влияния на него; террористы зачастую наносят удары, не выбирая жертв;
- терроризм используется для нагнетания страха, что само по себе позволяет достичь поставленной цели;
- терроризм — это тотальная война: цель оправдывает *любые* средства.

Мы приводим здесь эти положения, с тем чтобы в общих чертах обрисовать явление терроризма. В некоторых случаях тот или иной аспект может отсутствовать, например, у террористов не имеется какой-либо политической цели или же данное преступление совершается одним лицом, действующим самостоятельно.

Можно предположить, что любые акты террора без исключения запрещены внутренним законодательством всех государств и являются действиями, преследуемыми и наказуемыми в соответствии с уголовным законодательством. Поскольку эти акты совершаются по политическим мотивам, преступникам может в качестве исключения быть предоставлен иммунитет против их выдачи, как это определено в соглашениях о выдаче преступников или же во внутреннем законодательстве. Тем не менее в течение последних лет наблюдается тенденция не относить такие исключения к террористическим актам (см., например, Европейскую конвенцию по борьбе с терроризмом 1977 г.).

Запрет на акты террора в военное время

Террористические акты, совершенные в военное время, имеют иную юридическую коннотацию. Насилие, проявляющееся в крайних формах, присуще как войне, так и терроризму. В этой связи встает вопрос о том, каким образом различать эти два вида насилия: «дозволенное насилие» в военном конфликте, подчиняющемся законам войны, и «недозволенное насилие» (включающее в себя терроризм). Какие критерии позволяют проводить между ними различие?

Первый критерий — статус лица, совершающего акт насилия. Лица из состава вооруженных сил стороны в конфликте имеют право принимать непосредственное участие в военных

действиях. Никакие иные лица такого права не имеют. Если же они прибегают к насилию, то тем самым нарушают право войны. Их действия могут быть квалифицированы как терроризм.

Правило понятное и не должно вызывать больших проблем в ходе международных вооруженных конфликтов. Сложности возникают в ситуациях немеждународных вооруженных конфликтов и во время национально-освободительных войн. Ниже мы более подробно остановимся на этих вопросах.

Второй критерий вытекает из положений о защите определенных категорий лиц, а также положений о методах и средствах ведения войны в ходе вооруженных конфликтов. Чтобы быть законным, применение насилия в ходе войны должно осуществляться с учетом ограничений, налагаемых правом войны. Следовательно, даже лица из состава вооруженных сил, законом уполномоченные применять насилие, могут стать террористами в случае нарушения ими права войны.

Стоит ли говорить о том, что на практике не всегда легко отличить насилие, носящее террористический характер, от законных военных действий.

Здесь мы подходим к моменту, когда необходимо рассмотреть действующее право, применяемое в вооруженных конфликтах, в плане запрета на акты террора. Четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г., касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов, и два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 г. являются основными документами. Хотя только приблизительно одна треть членов международного сообщества ратифицировала Протоколы 1977 г. на сегодняшний день (февраль 1986 г.)*, в целях данного анализа целесообразно все же рассматривать их как имеющие силу закона для всего сообщества государств.

Основополагающие принципы международного права, признанные в Уставе Международного военного трибунала («нюрнбергские принципы»), также должны быть приняты во внимание, так как и они касаются террористических актов, совершаемых в мирное и военное время, и объявляют их международным преступлением.

Наконец, должны учитываться при рассмотрении некото-

* К сентябрю 2000 г. уже 188 стран являлись участниками Женевских конвенций, 156 стран — участниками Дополнительного протокола I и 149 стран — участниками Дополнительного протокола II. (Прим. ред.)

рых вопросов вышеназванные конвенции по особым преступлениям, такие, например, как Конвенция о взятии заложников и Конвенция об угоне самолетов.

Запрещение терроризма правом, применяемым во время международных вооруженных конфликтов

Как уже указывалось, большая часть положений международного гуманитарного права касается *международных вооруженных конфликтов*, то есть военных конфликтов между государствами. С 1977 г. для государств — участников Протокола I понятие «международный вооруженный конфликт» также включает в себя «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение» (статья 1, пункт 4, Протокола I).

В интересах ясности целесообразно все же разделить запреты, сформулированные в гуманитарных конвенциях, на две категории: 1) нормы, ограничивающие методы и средства ведения войны, и 2) положения, предоставляющие лицам, находящимся во власти противника, защиту от неоправданных действий и актов насилия.

Что касается первой категории положений, обычно называемой «правом Гааги», то здесь стоит особо отметить принципиально новую статью 51, пункт 2, Протокола I. За общим напоминанием об обязанности защищать гражданское население от опасностей, исходящих от военных операций, в пункте 2 говорится: «Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население». Это положение подтверждает, что терроризм не является дозволенным методом ведения войны.

Ввиду того, что подразумевается этим запретом, изложенным в пункте 2 статьи 51, заслуживает особого рассмотрения сфера его применения. Первое предложение говорит о том, что нападения на гражданское население как таковое и на отдельных гражданских лиц запрещены. Это категорический и ясный запрет, охватывающий, вероятно, большую часть актов террора.

Но второе предложение запрещает акты насилия, основной целью которых является *терроризировать гражданское население*. Такие действия не обязательно должны быть направлены против гражданских лиц. Важно наличие намерения терроризировать гражданское население. Так что даже угрозы применить насилие, имеющие целью терроризировать население, запрещены.

Некоторая субъективность понятия «угроза» неизбежна. Невозможно не признать тот факт, что любая военная операция или даже угроза принятия мер военного характера, например, в отношении допустимой, с правовой точки зрения, цели, но расположенной в непосредственной близости от жилья, окажет «терроризирующее» воздействие на беззащитное гражданское население. Запрещено и всегда будет запрещаться *намеренное использование террора в качестве средства ведения войны*.

Отсюда следует, что в международном вооруженном конфликте любое обращение к террористическим методам ведения войны абсолютно недопустимо. Кроме того, нельзя забывать, что запреты, установленные статьей 51, не могут быть обойдены под предлогом репрессий. Террористические нападения на гражданских лиц, влекущие за собой смерть или тяжелые ранения, косвенно квалифицируются статьей 85 Протокола I как серьезные нарушения и должны рассматриваться как военные преступления.

Вне всякого сомнения, основными жертвами террористических нападений становятся гражданские лица. Террор грозит и культурным ценностям, которые также используются террористами в целях шантажа. Статья 4 Гаагской конвенции от 14 мая 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта запрещает любые враждебные действия по отношению к этим ценностям, находящимся под покровительством. Однако сомнительно, чтобы сама по себе угроза разрушения культурных ценностей с целью терроризировать население была запрещена.

Нападения на иные объекты с целью устрашения населения запрещены специальными положениями. На данном этапе следует лишь упомянуть статью 56 Протокола I, запрещающую нападения на установки и сооружения, содержащие опасные силы (такие объекты, как дамбы, плотины и атомные электростанции), и статью 53, защищающую культурные ценности и места отправления культа.

Гражданское население защищено законом от актов террора. А что сами военнослужащие? Они тоже защищены? Ответ будет, несомненно, отрицательный, потому что в рамках дозволенного террор является оружием, которое может быть использовано в военных действиях против вооруженных сил стороны противника. И действительно, обычные методы ведения «материальной» и психологической войны включают в себя весьма широкий спектр действий, которые в иной ситуации рассматривались бы как «террористические». Но все же и здесь правом войны устанавливаются определенные ограничения. Прежде всего существует давний принцип, согласно которому «право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным» и запрещается «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания» (статья 35, пункт 2, Протокола I).

Применение этого общего принципа на практике включает, например, запрещение использовать отравляющие газы, прибегать к вероломству (статья 37), запрещение отдавать приказ не оставлять никого в живых (статья 40) — положение, имеющее непосредственное отношение к настоящему анализу, так как угроза гибели случайных жертв — достаточно обычное явление террористической деятельности. Даже в вооруженном конфликте военнослужащим стороны противника нельзя угрожать таким образом (исполнение этой угрозы в любом случае запрещено по смыслу положений, предоставляющих защиту раненым и военнопленным).

После обзора положений права, которые непосредственно ограничивают методы ведения военных операций, необходимо рассмотреть правовые положения, относящиеся к защите отдельных лиц, находящихся во власти стороны противника, от произвольных действий и насилия. Здесь мы вкратце остановимся на рассмотрении различных категорий покровительствуемых лиц.

По смыслу I, II и III Женевских конвенций 1949 г. военнослужащие стороны противника должны пользоваться уважением и защитой с того момента, как они сдались или прекратили сопротивление. Любые посягательства на их жизнь и личность строго запрещены (I и II Конвенции, статья 12, часть 2). Они пользуются также защитой от актов насилия и запугивания

(III Конвенция, статья 13, часть 2). В этом контексте ограничения, налагаемые на методы и средства ведения допросов заключенных, как они сформулированы в III Женевской конвенции, имеют первостепенное значение. «Военнопленным, которые откажутся отвечать, нельзя угрожать, подвергать их оскорблением или каким-либо преследованиям или ограничениям» (статья 17, часть 4). Эти положения по сути равносильны полному запрету на акты террора по отношению к побежденному противнику.

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны — единственная из Женевских конвенций 1949 г., где непосредственно используется термин «терроризм». Статья 33 содержит положение, общее для территории сторон в конфликте и для оккупированных территорий, запрещающее «всякие меры запугивания или террора». Данное положение дополняет общее правило, согласно которому воюющие стороны должны гуманно обращаться с гражданским населением стороны противника, находящимся в их власти (статья 27). Таким образом, никакие акты террора не могут быть оправданы.

Эти общие правила дополняют специальные запреты, например, запрет на взятие заложников (статья 34), а также на ограбление (статья 33, часть 2). К тому же статья 75 Протокола I запрещает насилие в отношении любых лиц, находящихся во власти стороны противника и не пользующихся уже защитой в соответствии с другими договорами. Таким образом, статья 75 восполняет пробелы, существующие в Женевских конвенциях 1949 г.

При определенных обстоятельствах нарушение нескольких вышеприведенных положений о защите гражданского населения расценивается как грубое нарушение Конвенций или Протокола I и как таковое должно быть пресечено. Такие акты террора могут поэтому рассматриваться как *военные преступления*. Подозреваемые военные преступники подлежат суду той стороны, во власти которой они находятся, будь то одна из сторон в конфликте или же любое другое государство — участник Конвенций или Протокола I, за исключением тех случаев, когда данные власти предпочтут выдать подозреваемого в преступлении другому заинтересованному государству-участнику. Это чреватое серьезными последствиями обязательство преследовать или выдавать подозреваемого в преступлении имеет очень

большое значение и является особым аспектом инструментов гуманитарного права.

В заключение можно сказать, что гражданские лица, находящиеся во власти стороны противника, защищены от произвольного насилия целой совокупностью тщательно разработанных правовых положений. Все эти положения должны применяться повсюду, безусловно и при любых обстоятельствах. В частности, их требования невозможно обойти, представив свои действия как репрессалии.

Запрет на акты террора во время немеждуннародных вооруженных конфликтов

Положения международного гуманитарного права, применимые во время внутренних вооруженных конфликтов, в гораздо меньшей степени детализированы, чем положения, применяемые во время международных конфликтов. Какова же ситуация с актами террора во время гражданской войны?

Любой ответ на данный вопрос необходимо начинать со статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций. Какой бы краткой и сжатой ни была формулировка, она не оставляет сомнений в том, что во время внутренних вооруженных конфликтов любые акты террора, направленные против лиц, не принимающих участия в военных действиях, абсолютно запрещены.

Следуя основному общему правилу, согласно которому лица, не принимающие или более не принимающие активного участия в военных действиях, должны пользоваться гуманным обращением, пункт 1а статьи 3 запрещает среди прочего «посагательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства,увечья, жестокое обращение,пытки и истязания», а также «взятие заложников» (подпункт b). Таким образом, статья 3 четырех Женевских конвенций не оставляет места террористическим актам, направленным против лиц, находящихся во власти стороны противника.

Статья 4 Протокола II еще раз подтверждает вышеупомянутый запрет и во многих отношениях расширяет и улучшает систему защиты. Для настоящей работы особенно интересен запрет на акты террора в пункте 2d. Здесь мы второй раз встречаем в

гуманитарном соглашении слово «терроризм». По сравнению со статьей 3 Конвенций совершенно новыми в Протоколе II являются положения, обеспечивающие защиту гражданского населения путем регулирования непосредственно ведения военных действий. Так, например, статья 13, озаглавленная «Защита гражданского населения», имеющая первостепенное значение, в пункте 2 определяет: «Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население». Это положение идентично запрету на акты террора в международных конфликтах, сформулированному в статье 51, пункт 2, Протокола I.

Значение этого нового положения в области права, регулирующей немежнациональные вооруженные конфликты, весьма велико. Возможно, эта идея была заложена и в определяющих методах и средствах ведения войны общих принципах, которые применимы также и в отношении гражданской войны. Важно, однако, чтобы представители международного сообщества еще раз подтвердили этот принцип и его включенность в международное договорное право. Запрет террористической деятельности во время внутренних международных конфликтов теперь четко закреплен.

Статья 3 Женевских конвенций и статья 4 Протокола II предоставляют защиту большей части населения, поскольку в правовых нормах, применяемых во время немежнационального вооруженного конфликта, не проводится различия между отдельными категориями лиц (комбатантами, гражданским населением и т. д.).

Статья 13 в прямой форме запрещает акты террора по отношению к гражданскому населению. Этот запрет, разумеется, касается обеих сторон, то есть правительственные и оппозиционные вооруженные силы. И, напротив, почти не защищены лица, принимающие участие в военных действиях как на стороне правительства (как правило, это личный состав вооруженных сил), так и на стороне оппозиции.

Во время войны могут допускаться такие методы ее ведения, которые в мирное время равнозначны актам террора. Отдельные ограничения вытекают из общих некодифицированных принципов права. Протокол II всего лишь запрещает отдавать приказ не оставлять никого в живых (статья 4, пункт 1, последнее предложение).

Как уже указывалось, террористические акты уголовно наказуемы в соответствии с национальным законодательством, хотя власти должны воздерживаться от преследования и осуждения членов оппозиции по обвинению в терроризме лишь за сам факт их участия в конфликте.

Таким образом, и в немеждународных вооруженных конфликтах любые террористические акты, направленные против гражданских лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, запрещены.

Рассмотрев международные запреты, касающиеся террористической деятельности, мы оказываемся перед вопросом: кому адресованы эти запреты?

Женевские конвенции, Дополнительные протоколы 1977 г. да и международное публичное право в целом обращены к государствам. Государства обязаны: 1) воздерживаться от применения террора и 2) делать все, от них зависящее, для предотвращения актов террора, совершаемых отдельными лицами или же на территории, находящейся под юрисдикцией этих государств. Это налагает определенные обязательства на лиц, действующих от имени государства, включая, что особенно для нас важно, военнослужащих, сотрудников полиции и других подобных организаций.

Международное гуманитарное право непосредственно не налагает подобных прямых обязательств на отдельных лиц, которые никак не представляют государство. Однако сами государства обязаны вводить соответствующие положения в свое внутреннее законодательство, с тем чтобы обеспечить уважение норм международного публичного права. Нюрнбергские же принципы — другое дело: некоторые действия, рассматриваемые как преступления против человечности, также однозначно являются актами террора. Запрещение подобных действий адресовано ко всем лицам и к каждому в отдельности.

Во время немеждународных конфликтов подход должен быть иным, так как одна из сторон в конфликте не рассматривается в качестве государства. Тем не менее статья 3 и Протокол II все же налагают юридические обязательства и на сторону оппозиции. Все члены вооруженных групп должны соблюдать запрет на акты террора. Командиры оппозиционных сил обязаны обеспечивать соблюдение запрета и пресекать его нарушения членами своей организации, если такие нарушения будут иметь место. Будучи группой, оппозиционные силы несут определен-

ную ответственность. Как и правительственные власти, оппозиция также должна принимать все необходимые меры по прекращению актов террора и наказанию за них не только членов своих вооруженных группировок, но и отдельных лиц, которые действуют самостоятельно и проживают на территории, находящейся под контролем оппозиции. Таким образом, ясно, что и сторона оппозиции во время гражданской войны также связана запретом на акты террора. Это очень важно, поскольку гражданские войны особенно часто порождают террор.

Особый статус национально-освободительных войн

Правовой статус, предоставленный национально-освободительным войнам Дополнительным протоколом I от 1977 г., заставляет сделать несколько замечаний в связи с обсуждаемой нами темой. Представляется, что новое правовое положение часто неверно интерпретируется. Некоторые полагают, что такое нововведение легализует терроризм. Как мы увидим далее, это не так. В известной степени данное неверное умозаключение уходит своими корнями в терминологию антиколониализма. В частности, было бы неверным заявить, что угнетенные народы имеют право использовать *любые* средства в борьбе за свою независимость. Дозволены ли в национально-освободительных войнах методы и средства ведения военных действий, запрещенные при других обстоятельствах? На этот вопрос необходимо ответить.

В задачи настоящей работы не входит подробный разбор смысла пункта 4 статьи 1 Протокола I, рассматривающего «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение». К теме нашего исследования это не относится. Интересуют же нас правовые последствия такого рода конфликтов. Они остаются неизменными, независимо от различной интерпретации условий применения данного положения.

Если народ ведет войну за свою независимость, как это определено в вышеуказанной статье, «против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских

режимов», то данный конфликт, в соответствии с новым положением, квалифицируется как международный вооруженный конфликт. Это означает, что вступает в силу весь свод положений международного гуманитарного права, применяемого в международных конфликтах, включая все соответствующие права и обязанности.

Мы уже определили, что право международного вооруженного конфликта содержит целый комплекс четких запретов на акты террора. Отсюда со всей очевидностью следует, что эти запреты также применимы, в целом, во время национально-освободительных войн. С правовой точки зрения, никакого иного вывода сделать нельзя. Те, кто заявляет, что принятие пункта 4 статьи 1 Протокола I привело к ослаблению действенности правовых инструментов, направленных на борьбу с терроризмом, неверно понимают сложившуюся ситуацию. Новую правовую норму следует рассматривать скорее как попытку установить более строгий и направленный на обеспечение более эффективной защиты человека контроль за ведением национально-освободительных войн, которые, как показывает опыт, характеризуются особенно опасными взрывами насилия.

Статья 44: лицензия на терроризм?

Статья 44 Протокола I определяет новые условия представления статуса комбатанта во время международных вооруженных конфликтов. Единственное, что нас здесь интересует, это вопрос о том, смягчает ли статья 44 каким-либо образом запрет на терроризм и, следовательно, способствует ли совершению актов террора.

Как уже говорилось, статья 44 модифицирует условия, которым данное лицо должно отвечать, для того чтобы получить статус комбатанта. В этом вопросе требования стали более мягкими. В силу статьи 44 отдельные лица теперь могут при определенных обстоятельствах требовать некоторых привилегий, предоставляемых комбатантам, — они не имели на это права согласно старым положениям. Следовательно, статья 44 несколько расширила круг лиц, имеющих право участвовать в военных действиях.

И все же статья 44 никоим образом не изменила круг обязанностей комбатантов. Каждый, кто имеет право принимать

участие в военных действиях, должен выполнять требования норм права войны, включая запрет на террористические акты. В статьях 43 и 44 не проводится никакого различия между двумя категориями комбатантов, а именно, между «лицами из состава регулярных войск» — они обязаны выполнять требования права войны, и «партизанами» — они, по мнению некоторых, частично освобождены от этих обязанностей. *Все* комбатанты относятся к одной категории, все должны соблюдать одни и те же правила, и *всех* ждут одни и те же последствия, если они нарушают право войны. Они подлежат преследованию за нарушение права войны и, при определенных условиях, за военные преступления. Поэтому бойцы ополчения, совершившие террористический акт против гражданского населения, также подлежат уголовному преследованию. Статья 44 не допускает невыполнения традиционных обязательств по соблюдению гуманитарного права и не предоставляет иммунитета тем, кто совершил какой-либо террористический акт.

Можно задуматься, не приведет ли признание определенных аспектов партизанской войны международным гуманитарным правом к увеличению числа актов террора, совершаемых комбатантами. Это сложный вопрос. Новое положение определяет, что лица, совершающие такие акты или подстрекающие к таким действиям, могут быть призваны к ответу иным образом, так как теперь они должны соблюдать все нормы международного гуманитарного права.

Эта краткая ссылка на статью 44 должна быть соотнесена с комментариями к пункту 1 статьи 1 о национально-освободительных войнах. Существует мнение, согласно которому именно в своей совокупности эти два новых положения могут ослабить защиту гражданского населения от актов террора. Оба эти положения предназначены для того, чтобы устранить несправедливость, имеющую место в некоторых ситуациях, и отнести их к сфере действия права международного вооруженного конфликта, весь свод норм которого содержит весьма хорошо разработанные положения. Ни одно из двух рассмотренных положений, ни вместе, ни по отдельности, не ослабляет запрета на акты террора. Партизаны, ведущие национально-освободительную войну и в нарушение закона терроризирующие гражданское население, являются террористами и должны отвечать за свои действия.

Заключительные замечания

В сфере международного гуманитарного права терроризм и акты террора запрещены при любых обстоятельствах, безусловно и без каких-либо исключений. Власти сторон, находящихся в конфликте, а также все государства — участники гуманитарных соглашений, обязаны в судебном порядке преследовать любое лицо, обвиняемое в нарушении запрета на терроризм.

Право вооруженного конфликта особенно тщательно разработано и может послужить моделью для создания правовых норм, применимых к явлению терроризма в мирное время. Любое действие, которое право вооруженного конфликта запрещает совершать комбатантам, квалифицируя его как террористическое, также должно быть запрещено и преследоваться по законам мирного времени, независимо от того, кто это действие совершает.